

В.В. Коровин (Курск)

КУРСКИЙ КРАЙ И КУРЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ОТМЕЧАЕМЫЙ в текущем году 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. порождает новую волну исследовательского интереса к делам давно минувших дней. Отсутствие в региональных архивах источников, необходимых для углубленного изучения темы участия местного населения в событиях военной истории начала XIX в., затрудняет работу историка. Вместе с тем, наличие краеведческих публикаций столетней давности и возможность обращения к документальным материалам, хранящимся в федеральных архивах, позволяет уточнить и конкретизировать различные аспекты участия курян в защите Отечества.

Одним из первых к теме участия земляков в Отечественной войне 1812 г. обратился известный курский педагог, краевед и общественный деятель А.А. Танков. В 1912 г. «Курский сборник» опубликовал его статью «Год священной памяти»¹. По словам самого автора, он постарался, «не повторяя сообщенных уже в печати фактов, передать несколько новых, извлеченных из архивных источников сведений по истории Курского края, всецело относящихся к Отечественной войне и имеющих интерес, в особенности в виду исполненного столетнего юбилея со времени Двенадцатого Года»².

Поскольку Курский край в период наполеоновского нашествия оказался тыловым, основной формой участия курян в военных событиях стало оказание материальной помощи действующей армии, хотя, конечно, уроженцы губернии пришли и на службу в ее ряды. По сведениям А.А. Танкова, курское дворянство делало значительные пожертвования «на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям».

Пожертвования курских дворян на нужды армии и ополчение производились через архиепископа Курского Феокиста, который пользовался уважением дворянства и вел переписку со многими высокопоставленными лицами. В ноябре 1812 г. обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын прислал архиепископу Феокисту письмо следующего содержания: «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Государь мой и Архипастырь! Под руководством Государыни Императрицы Елизаветы Алексевны Высочайше поручено Обер-Шенку Головину, Обер-Гофмаршалу графу Толстому, государственному секретарю Шишкову и мне делать приглашения к денежным пожертвованиям в пользу потерпевших от вторжения врага в Отечество наше. Помогать ближнему есть долг и удовольствие христианина; уделять от избытков своих тем, которые нуждаются в необходимом, сего требует справедливость; длиться с несчастными и немногим есть совершенство добродетели.

Я уверен, что Ваше Преосвященство исполнены чувством сей истины, и потому не осмеливаюсь с моей стороны прибавлять убеждений. Ограничиваюсь исполнением возложенной на меня обязанности. Приглашаю Вас, яко Архипастыря, сделать приглашение к пожертвованиям благородному дворянскому сословию, купеческому сословию, паству Вашу составляющим, так как Вам более известно расположение их душ и самые способы к вспомоществованию ближним. Таковые добровольные пожертвования может каждый благотворитель сам прислать в С-Петербург ко мне или на имя одной из вышесказанных особ, потому что каждому из нас для записи пожертвований выдана шнуrowая книга»³.

Сделав со своей стороны крупные денежные пожертвования, архиепископ Феокист отправил письма помещикам управляемой им епархии, имеющим достаточные средства и отличающимся стремлением к благотворительности. В них он призывал дворян проявить чувство патриотизма. Например, в архиве Курской духовной консистории сохранялось послание обоянскому помещику генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение

Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»⁴

Письма подобного содержания были направлены белгородскому помещику И.И. Хорвату, одному из богатейших помещиков Фатежского уезда А.Н. Спешневу, помещикам Суджанского и других уездов губернии. Все представители Курского дворянства, к которым обращался архиепископ, прислали свои пожертвования. Так, белгородский помещик Хорват направил 500 р., львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 р. с выражением «сыновних своих чувств», путивльский помещик Черепов прислал 1000 р. Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском уезде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 р.

Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 р. с письмом, отражающим настроения местного дворянства: «В настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотечественников, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище...»⁵

Многие курские дворяне жертвовали денежные суммы, как это следует из архивных документов духовной консистории, своему приходскому духовенству, вместе с купечеством и представителями других сословий. Главные благочинные Курской губернии уведомляли архиепископа о том, что в их благочестиях все сословия участвовали в общей патриотической подписке. Например, в Белгороде в течение двух месяцев после начала подписки было пожертвовано 713 р.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложились документы, указывающие на то, что осенью 1812 г. Курская губерния должна была стать одним из центральных узлов снабжения действующей армии. Так, в письме М.И. Кутузова, направленном 21 ноября на имя военного министра А.И. Горчакова, отмечалось: «Во время пребывания армии в районе Смоленска и Москвы и при настоящем движении ее для преследования бегущего неприятеля, продовольствие людям и лошадям доставлялось и доставляется наиболее из добровольного пожертвования дворянских сословий и вообще жителей: Тульской, Калужской, Тверской, частично Орловской и других ближайших

к расположению армии внутренних российских губерний. Теперь, когда армия удаляется от пределов сих губерний, и когда потому доставление из оных продовольствия делается не только затруднительным, но и вовсе почти невозможным, я изыскивал способы, коими бы можно обеспечить содержание армий в оных местностях, куда отсель по обстоятельствам должно будет иметь направление. Похоже, по всем соображениям ближайшим и сподручнейшим, иметь готовый запас провианта, овса и для порции людям вина в Курской и в обеих малороссийских – Черниговской и Полтавской губерниях. Определяя меру сего запаса, я полагаю необходимым, чтобы во всех оных губерниях собрано было с каждой ревизской платящей подати души: сухарей по одному пуду, круп и овса по шести гарнцов, а вина, непосредственно с тех лиц, кои пользуются правом винокурения, в каждой губернии по семидесяти пяти тысяч ведер. А потому, возложить исполнение сего моего Положения на особенное попечение господ гражданских губернаторов и предводителей дворянства Курской, Черниговской и Полтавской губерний, сообщил настоящее тамошним господам гражданским губернаторам, дабы они каждой поверенной ему губернии учинили как наискорее зависящее на сей предмет с их стороны распоряжение, с тем, чтобы коль скоро потребуетя доставление назначенных в сбор сухарей, круп, овса и вина к армии, на сие продовольствие, было всё то в своевременной готовности.

На первый раз пункты своза провианта, овса и вина назначены мною по уездным городам и в других, по собственному господ гражданских губернаторов усмотрению, удобных для складки и центральных по уездам местностям, а куда от толь далее должно будет доставляться, о сем по данному от меня предписанию будет уведомлять губернаторов главноуправляющий по части продовольствия армии господин сенатор Ланской»⁶. Но уже в письме к военному министру, датированном 1 декабря 1812 г., М.И. Кутузов сообщил: «Подвигаясь ныне с армией к Литве, я нашел необходимым назначить подобный сбор в этой же самой мере и на таком же основании с Волынской губернии»⁷.

В ноябре 1812 г., по указанию М.И. Кутузова, с Курской губернии потребовалось собрать подводы и погонщиков для перевозки из города Трубчевска Орловской губернии заготовленных для армии запасов. 7 ноября собрание, состоявшее из губернского и уездных предводителей дворянства, постановило для выполнения этого

поручения избрать ответственными чиновниками тимского помещика Д.Н. Дятлова, льговского помещика майора В.И. Тютчева и фатежского – Н.А. Спешнева.

После этого состоялись уездные дворянские собрания, определившие наряд на подводы, лошадей и погонщиков, которые необходимо было представить помещикам каждого уезда. В конце ноября установленное количество подвод, возчиков и лошадей было собрано. 30 ноября Д.Н. Дятлов уведомил губернского предводителя дворянства о предстоящем отправлении обоза для выполнения указанного задания. Всего от Курской губернии было выставлено 12 076 подвод.

На выполнение операции по перевозке продовольствия и фуража из Трубчевска потребовалось два месяца. Вскоре перед курским обозом была поставлена новая задача. О ней гражданский губернатор А.И. Нелидов известил губернского предводителя дворянства П.А. Гасвицкого: «Из уведомлений Вам господ уездных предводителей дворянства, производящих отправление провiantа и фуража в Минск, известно Вам, что отправление последних транспортов оканчивается. В связи с чем, прошу Вас как наипоспешнее распорядиться транспортированием и отправлением подвод, нужных для поднятия и доставления в назначенные пункты выпеченных из муки Трубчевских запасов сухарей, коих половина возложена... на Курскую губернию. Всех же сухарей, долженствующих подняться на подводах сей губернии, приготовлено 200 944 пуда 23 фунта 13 золотников, по каковому числу поднятия тяжести, должно быть произведено и отправление нужных для того подвод»⁸.

В соответствии с требованием главнокомандующего, курское дворянство выполнило перевозку сухарей из города Севска Орловской губернии в местечко Новую Белицу (пригород Гомеля) Могилевской губернии, пользуясь выделенными для этой цели обозами, под наблюдением избранных дворянских чиновников. Эта операция была завершена в августе 1813 г.

В целом, от дворянства Курской губернии для приобретения 1500 голов волов и фур требовалось собрать 150 000 р. Курянами было собрано 177 469 р., из которых израсходовано – 165 656, а 11 813 р. было передано в Курский Приказ Общественного Призрения. Те из помещиков, кто не мог явиться на собрание лично, в письмах изъявляли желание жертвовать «то, что по времени признавалось

необходимым». Так, например, помещица Фекла фон-Линденер писала: «По причине слабости здоровья в собрании быть не могу, но, желая исполнить в защиту Отечества с верою в душе моей, прошу вас уверить благородное общество, не откажусь от того, что оно положит». Помещик Суковкин писал: «Всякое положение, поставленное в собрании господами дворянами, я с искренним моим усердием приемлю, дабы я мог показать самим делом, что я есть верный сын Отечества»⁹.

В Курске и губернии шел набор рекрутов из всех сословий. В фондах РГВИА сохранилось предписание М.И. Кутузова М.Б. Барклаю-де-Толли от 19 сентября 1812 г., в котором он приказывал приведенных из Курска под командованием прапорщика Курского гарнизона Сысоева 235 новобранцев направить в Нижний Новгород в «состав формируемых там войск»¹⁰.

Курское дворянство оказывало помощь землякам, пожелавшим поступить на службу в действующую армию, но нуждавшимся в материальных средствах. Все уездные дворянские собрания приняли соответствующие решения в августе 1812 г. Например, рыльский уездный предводитель писал губернскому предводителю дворянства: «Рыльское благородное сословие в своем собрании для вспомоществования изъявившим желание дворянам поступить в армейские полки, на защиту Отечества, не имеющим средств на проезд их и содержание, согласилось дать с каждой души 10 коп. из собственных своих доходов».

После оставления Наполеоном Москвы и бегства остатков французской армии из России, ввиду продолжения похода русских войск за границы империи, формировались новые военные части для службы внутри государства. Для этих частей необходимы были офицеры, в связи с чем в конце 1812 – начале 1813 гг. дворянам, не занятым службой, предлагалось поступить во вновь формируемые войска.

По предписанию, поступившему из столицы, курскому губернатору поручалось призывать дворян к записи в части 3-го округа внутреннего ополчения. А.И. Нелидов обратился за содействием к губернскому предводителю дворянства. П.А. Гасвицкий, в свою очередь, передал просьбу губернатора уездным предводителям, после чего от дворян стали поступать отзывы на предложение вступить в ополчение и вновь формируемые полки. В Щигровском уезде изъявили желание поступить на службу 179 человек, в их числе

полковники Александр Рахманов и Петр Скрышлев, премьер-майор Александр Ханьков, капитан флота Петр Монахов, другие военные и гражданские чиновники, юнкера, унтер-офицеры, капралы. Многие из них просили материальной помощи со стороны дворянства. Поступавшим на службу выделялась лошадь и денежное пособие в 50 р. из собранного дворянами капитала.

Всего за период Отечественной войны куряне собрали пожертвований для армии почти 2 млн. р. (по всей России было собрано 57 млн.). Основная сумма пожертвований приходится на 1812 г. – 43 044 р. 24 к. В 1813 г. было собрано 1796 р., а в 1814 г. – 10 814 р. 87 к. Куряне жертвовали золото, серебро, деньги, драгоценные вещи¹¹.

Куряне Никита Сибилев и Стефан Дружинин передали армии перевязочные материалы, полушубки, продовольствие. Указание о сборе овчины для нужд армии было дано еще в сентябре 1812 г. в письме графа А.А. Аракчеева военному министру А.И. Горчакову: «На случай, ежели армия должна будет продолжать военные действия в зимнее время, нужно снабдить солдат овчинными шубами, а потому заготовление овчины предполагается сделать в губерниях Воронежской, Курской, Екатеринославской, Харьковской и Тамбовской...»¹² М.И. Кутузов в письме от 3 ноября 1812 г. лично ходатайствовал перед военным министром о том, чтобы курский городской голова В.А. Гладков и мещанин Н.И. Сибилев получили награды за помощь, оказанную армии: «Градские главы... особенно курской, доставляют к армии в значающем числе необходимо нужные для рядовых ныне при армии употребляемые полушубки и к пользованию раненых корпию, ...оказывают всевозможную готовность во всех отношениях с пожертвованием собственности умерять разного рода недостатки армии. Я в приятной долг вмению означенных глав и курского мещанина Никиту Сибилева, употребляемого к доставлению полушубков и корпии и находящегося большею частию при армии от общества для извещения их о всех потребностях, поруча покровительству вашего сиятельства, покорнейше просить в награду ревности их исходатайствовать им у его императорского величества пожалования медальми, для сословия их установленными»¹³. В.А. Гладкову была вручена золотая медаль на андреевской ленте с надписью «За усердие», а Н.И. Сибилев получил серебряную медаль.

Мужество и героизм проявили куряне и на полях сражений. Рядовые представлялись только к личной благодарности царя, объявлявшейся перед строем. В наградном списке отмечались рядовые Евсей Кучма, Семен Климов, Яков Белоусов, Сергей Григорьев, Иван Коваленко, Козьма Фомин, которые «были ранены пулями, но поле побоища не оставили».

Отвагой в боях с противником отличились солдаты Курского внутреннего гарнизона. Федор Кузьмич Чапыгин (из дворян д. Ольховатой Обоянского уезда Курской губернии) участвовал во многих боях с начала войны, вплоть до вступления наших войск в пределы Польши и Пруссии. Крепостной графа Головкина из села Долгие Буды Обоянского уезда Софрон Калашников был участником таких решающих сражений, как Бородинское, у села Тарутина, у Малоярославца. Он был тяжело ранен, но после выздоровления вернулся в армию, участвовал в заграничных походах ¹⁴.

Архивные документы хранят память о подвигах на полях сражений представителей курского дворянства. Приведем имена отдельных героев. Подполковник Волынского пехотного полка Николай Андреевич Курносков, во время сражения, командуя батальонами, подавал пример личной храбрости и тем содействовал успешному отражению неприятеля. Был ранен в правую ногу пулей. Награжден за Бородино орденом Святой Анны 2 класса ¹⁵. Подпоручик Ширванского пехотного полка Антон Тимофеевич Терлецкий. Принимал участие в сражениях Смоленском, Бородинском, при Малоярославце, Красном ¹⁶. Корнет Орденского Кирасирского полка Александр Онуфриевич Решетинский «26 августа при атаке на неприятельскую кавалерию, командуя взводом, отличил себя храбростью», за что был награжден золотой шпагой ¹⁷.

Прапорщик Федор Алексеевич Бурнашев во время Бородинского сражения использовался в качестве адъютанта, посылался в самые опасные места, ранен в руку. Рапорт о награждении его знаком отличия Военного ордена был подан генерал-лейтенантом Д.В. Голицыным начальнику Главного штаба П.М. Волконскому 21 мая 1813 г. ¹⁸ Капитан гвардейской легкой роты Алексей Александрович Вельяминов отличился при Бородине. Командуя ротой, получил ранение в ногу. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени ¹⁹.

Поручик Лейб-Гренадерского полка Иона Андреевич Щекин тоже отличился при Бородине: «При самой сильной канонаде

посылался неоднократно с разными поручениями к стрелкам, кои исполнял с поспешностью и мужеством, презирая все опасности». Награжден орденом Святой Анны 4 класса²⁰.

Командир Черниговского пехотного полка подполковник Иван Михайлович Ушаков отличился в сражении при Бородине. Его полк захватил укрепленную высоту, ранее оставленную войсками Багратиона, за что офицер был представлен к ордену Святого Георгия 4 степени. Полковник Ушаков получил тяжелые ранения ядром в ногу и пулевое в челюсть. Он был доставлен в госпиталь, где ему отняли ногу ниже колена...²¹

Современные краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Курской области, содержат имена многих земляков, отличившихся в Отечественной войне 1812 г.²² К сожалению, авторы подобных работ не раскрывают источники приводимой информации, в связи с чем снижается ее научная ценность. Тем не менее, краеведческий материал о героизме представителей разных поколений курян в деле защиты Отечества является уникальным средством патриотического воспитания молодежи. Проводимый же в регионе комплекс мероприятий, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., в подготовке которых принимают участие музейные работники, архивисты, ученые, позволит восполнить пробелы и внести необходимые уточнения в военную историю края.

---

¹ Танков А.А. «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 1–24.

² Танков А.А. Указ. соч. С. 12.

³ Цит. по: Танков. Указ. соч. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3451. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Танков А.А. Указ. соч. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 25. Л. 29.

¹¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 696.

¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2738. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 967. Л. 232 об.–233, 247 об.–248, 250 об.–251.

¹⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 383 об.–384.

¹⁶ Там же. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 65. Л. 87–88.

¹⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 287 об.–288.

¹⁸ Там же. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 2. Ч. 2. Л. 308–308 об.; Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 205–206.

¹⁹ Там же. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 270 об.–271; Ф. 103. Оп. 208а. Д. 46. Л. 91 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 16.

²⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 337 об.–338.

²¹ Св. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 37.

²² См., напр.: Немцев Н.А. Земля кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. Курск, 2003. С. 16–17; Бирюков А.Ю. Фатежский край: Прошлое и настоящее (историко-краеведческий сборник). Фатеж, 2007. С. 18–23.